

Видим одно, а слышим другое...

Вспоминается анекдотичная история брежневских времен. Одессит приходит в поликлинику и просит направить его к врачу, который лечит уши и глаза. Пациенту разъясняют, что он должен посетить двух врачей, поскольку болезни глаз лечит офтальмолог, а болезни уха — ларинголог. Пациент не согласен и просит его направить к такому врачу, который одновременно лечит и уши, и глаза, потому что у него комплексное заболевание. Естественно, его спрашивают, в чем проблема. И он отвечает: «Я слышу одно, а вижу другое». Этот известный афоризм — «видим одно, а слышим другое» — весьма актуален и для наших дней. Я попытаюсь рассмотреть его применительно к сфере современного социально-экономического развития.

Аганбегян Абел Гезевич — заведующий лабораторией по экономике и менеджменту в здравоохранении Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, академик РАН.

Оценка послекризисного развития в нашей стране

Часто *слышим*, что после кризиса в 2010 и 2011 гг. Россия развивалась намного быстрее, чем развитые страны, да и мировая экономика в целом. Но мы *видим*, что благосостояние людей не повысилось по сравнению с докризисным уровнем.

Приведем официальные цифры. В кризисном 2009 г. конечное потребление домашних хозяйств снизилось на 4,8%. В 2010 г. оно увеличилось только на 3,0% и составило лишь 98,1% от докризисного 2008 г. [1]. В 2011 г. оно выросло еще меньше, судя по динамике реальных доходов населения, которые увеличились всего на 0,8% [2]. Как видно, в лучшем случае по потреблению продовольствен-

ных и промышленных товаров мы сейчас находимся на уровне 2008 г. Прирост потребления после его значительного сокращения в период кризиса крайне низок. Между тем, в предкризисный период потребление домашних хозяйств ежегодно увеличивалось совсем другими темпами: в 2005 г. — 12,2%, 2006 г. — тоже 12,2, 2007 г. — 14,3, 2008 г. — 10,6%. И наше население, жизнь которого заметно улучшалась до кризиса, переживает депрессию, отсюда пессимизм, неверие в будущее.

Еще хуже обстоит дело с улучшением жилищных условий. В 2008 г. Россия достигла наивысшего в последнее время показателя ввода в действие жилых домов — 64,1 млн м² общей площади. Затем в 2009 г. ввод сократился до 59,9 млн, в 2010 г. — до 58,4 млн, в 2011 г. он немного приподнялся — до 62,0 млн м², но остается пока ниже показателя, достигнутого в 2008 г. [3]. А ведь в советс-

кое время, в 1980-е годы, в России сдавалось более 70 млн м² жилья в год. Например, в 2010 г. получили жилье и улучшили жилищные условия 244 тыс. семей (включая одиноких), что составляет только 0,5% от общего числа семей. Заметим, что в 1990 г. улучшили жилищные условия 1296 тыс. семей [4], то есть в 5 раз больше. И многие помнят те времена и сравнивают эти показатели.

Чтобы показать, как хорошо в РФ идут дела, часто приводят сравнение наших темпов развития с темпами развитых стран. Вот типичный пример. В 2010 и 2011 гг. валовой внутренний продукт России ежегодно рос по 4,3%, в то время как в США этот показатель вырос в 2010 г. всего на 3,0%, а в еврозоне — на 1,7%. В 2011 г. экономика США увеличилась на 1,8%, в еврозоне — на 1,5%. Казалось бы, это сравнение показывает неоспоримое (почти двукратное) превосходство России в темпах экономического роста. Но тут отсутствует падение этого показателя в кризис. В России в 2009 г. ВВП сократился на 7,9% — больше всех среди стран двадцатки. В США ВВП в кризис сократился на 3,5%, а в еврозоне — на 4,1%, то есть вдвое меньше. Так что если рассмотреть объем валового внутреннего продукта по сравнению с докризисным 2008 г., то в США за 2010–2011 гг. он вырос немного больше, чем в России, а в еврозоне — на несколько десятых процента меньше.

Мне это сравнение напомнило статью одного известного российского политика, опубликованную в 2000 г. под громким заголовком «Впервые за 40 лет». В ней автор восторженно пишет о небывалом увеличении реальных доходов в России за 2000 г. — аж на 12% и делает далеко идущие выводы о наших преимуществах, работе о жизненном уровне населения и т.п. Но этот политик не посмотрел статистические данные, свидетельствующие о том, что в предшествующем 1999 г., когда

начался экономический подъем и промышленность увеличилась на 11%, реальные доходы снизились на 12%, а в кризисном 1998 г. по отношению к 1997 г. они снизились еще больше — на 16%. Так что, «отыграв» только 12% от огромного падения реального дохода за предшествующие два года, их уровень оставался ниже 1997 г. на 16%, а сам 1997 г. был ниже достигнутого уровня реальных доходов в последние годы существования СССР в 1,5 раза. Чем тут гордиться? Плакать надо было. Тем более что в этот кризис от повышения розничных цен за 1998–1999 гг. в 2,5 раза все сбережения россиян, номинированные в рублях, сократились более чем в 2 раза.

Но вернемся к послекризисному развитию нашей страны. По большинству экономических и социальных показателей к концу 2011 г. Россия достигла, наконец, докризисного уровня 2008 г. В то же время до этого уровня не дотянули такие показатели, как объем инвестиций, масштабы строительства, в том числе жилищного, объем производства машин и оборудования, доходы бюджета в реальном выражении,

В послекризисный период наша страна перешла на сниженную траекторию социально-экономического роста: темпы и по динамике реальных доходов, и по динамике инвестиций примерно вдвое ниже, чем в докризисный период.

скорректированные на инфляцию. К тому же профицит бюджета сменился дефицитом.

В кризис была истрачена значительная часть золотовалютных резервов, которые сейчас на 80 млрд долл. меньше, чем были в августе 1998 г., и значительная часть резервного фонда, похудевшего с 4 трлн руб. (на начало 2009 г.) до 0,8 трлн руб. (в 2011 г.).

Хуже всего то, что наша страна в послекризисный период перешла на сниженную траекторию социально-экономического роста — его темпы и по динамике реальных доходов, и по динамике инвестиций примерно вдвое ниже, чем в докризисный период¹. Можно провести аналогию также с двукратным падением темпов социально-экономического развития в 1975–1985 гг. по сравнению с периодом косыгинских реформ. Этот период низких темпов в советское время был назван, как известно, периодом застоя. Думаю, не будет преувеличением и нынешний период низких темпов назвать новым периодом застоя.

Сказки о низкой инфляции и высоких средних показателях уровня жизни, подкрепленные статистическими данными

Многим известно знаменитое высказывание премьер-министра Англии Б. Дизраэли о том, что есть три вида лжи: просто ложь, наглая ложь и статистика. Выдергивание отдельных статистических пока-

зателей формально правильных, но без понимания их истинного содержания и методов расчета действительно может стать причиной ложных суждений.

Начнем с официальных показателей инфляции. Вряд ли все знают, что наиболее распространенный показатель инфляции, то есть роста розничных цен, считается ежемесячно, но не в процен-

тах к соответствующему периоду прошлого года, как исчисляются все другие экономические показатели, а в процентах к уровню инфляции в декабре предшествующего года. Скажем, инфляция кризисного 2009 г.: декабрь 2009 г. в процентах к декабрю 2008 г. показал довольно высокую инфляцию 8,8%. Если же взять средний уровень цен за весь 2009 г., то есть за январь — декабрь, и сравнить его со средним уровнем цен 2008 г., то показатель будет совсем иным — прирост составит 11,7%, а это уже катастрофически высокий уровень инфляции. В 2011 г. инфляция декабрь к декабрю резко снизилась, что выдается за большой успех в социально-экономической политике. Этот индекс составил 6,2%. Но если посчитать инфляцию в годовом выражении, чтобы этот показатель был сопоставим с динамикой валового внутреннего продукта, промышленности, инвестиций, реальных доходов, розничных продаж и других показателей, то ее прирост составит не 6,2, а более 8%. Так что до победы над инфляцией, как видно, еще очень далеко.

При этом нужно учитывать, что инфляция у разных слоев населения весьма различна. Обычно больше всего растут цены на продовольствие и жилищно-коммунальные услуги. Например, при расчете декабрь к декабрю в 2010 г. индекс потребительских цен в целом вырос на 8,8%, на продовольствие — на 12,9, на жилищно-коммунальные услуги — на 13,0%. При этом на непродовольственные товары цены выросли только на 5%. Понятно, что в расходах относительно бедных слоев населения доля продовольственных товаров в три раза выше, чем у зажиточных групп населения, доля на оплату жилищно-коммунальных услуг вдвое выше, поэтому средняя инфляция для бедных существенно больше, чем для относительно богатых. По расчетам Госкомстата, в 2010 г. 10% населения с наименьшими дохода-

ми имели инфляцию 11,8%, а 10% наиболее зажиточных граждан — 7,1% [5].

В России принято при характеристике уровня жизни применять средние показатели. Например, в 2010 г. средний доход на душу населения достиг 18,8 тыс. руб. Для нашей страны это неплохо. Однако средние значения не характеризуют правдиво действительные доходы населения. Средняя, как известно, является среднеарифметической, и она указывает среднюю тенденцию, но при определенных условиях: если у вас равномерная дифференциация заработков или доходов вокруг средней в обе стороны и эта дифференциация не очень большая. Но на деле дифференциация доходов в России экстремально высокая: средний доход 10% зажиточных семей на душу насе-

Средняя инфляция для бедных существенно больше, чем для относительно богатых. В 2010 г. 10% населения с наименьшими доходами имели инфляцию 11,8%, а 10% наиболее зажиточных граждан — 7,1%.

ния составляет около 60 тыс. руб. в месяц, а средний доход самой бедной 10-процентной группы населения — около 4 тыс. руб. Разница более чем в 16 раз. Средняя составляет около 19 тыс. руб., и, как видно, она отстоит от показателя нижней группы на 15 тыс. руб., а от показателя верхней группы — на 41 тыс. руб. Поэтому при подсчете среднеарифметической эту величину притягивает к себе группа с высокими доходами. Так что доходы около 65% всего населения лежат ниже этой средней, а выше средней — доходы 35%.

Поэтому за рубежом в качестве среднего дохода рассчитывается показатель медианной средней, то есть такой средней, ниже которой получает 50% населения и выше которой тоже получает

50% населения. Показатель средней медианы по душевому доходу в России составляет около 13 тыс. руб. — на 6 тыс. меньше, чем средний доход. А какой уровень дохода наиболее распространен в стране? Если вы нарисуете распределение количества людей, имеющих доходы, например, через каждые 2 тыс. руб. в месяц: 1–3, 3–5, 5–7, 7–9, 9–11 и т.д. и постройте диаграмму из столбиков, высота каждого из которых характеризует численность или долю населения, получающего такой душевой доход, то самый высокий столбик как раз и будет характеризовать самый распространенный доход в этой стране. В России самым высоким столбиком будут 5–7 и 7–9. Так что в 2010 г. в России самый распространенный показатель был равен примерно 7 тыс. руб. в месяц. В статистике он называется «мода».

Важно учесть, что приводимый выше показатель среднего дохода на душу населения — это показатель до вычета налогов и обязательных взносов. Так что его реальное выражение существенно ниже. Если же показатели распределения рассматривать в динамике, то их надо еще корректировать на разный прирост инфляции по группам населения с разным уровнем дохода, о чем говорилось выше. И картина получится совсем другая, чем средние цифры.

Особенно злоупотребляют у нас высказываниями об успехах пенсионного дела. Цифры, которые здесь фигурируют, это, прежде всего, проценты увеличения пенсий. Что касается процентного роста, то этот процент существенно зависит от исходного уров-

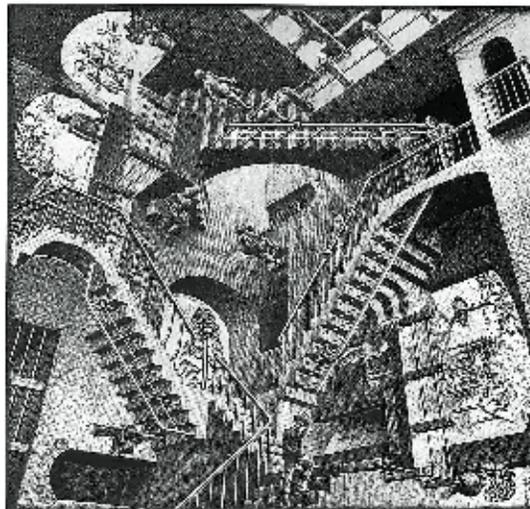
ния. Если исходный уровень низок, то процент роста в абсолютном выражении в рублях дает маленький прирост. Если вы получаете пенсию 5 тыс. руб. и вам ее увеличивают на 10%, то это прибавка в 500 руб., а если у вас пенсия 15 тыс. руб., то такой же процент дает вам 1500 руб.

В России, пожалуй, одна из самых худших, если не сказать худшая, пенсионная система в мире, поэтому пенсии у нас позорно низкие по отношению к заработной плате. Мы не достигли и вряд ли достигнем при этой системе пенсионного обеспечения даже минимального порога величины пенсий, установленного Международной организацией труда (МОТ) — размер пенсии должен быть не ниже 40–60% от заработка. У нас этот показатель пока находится на уровне примерно 35% от заработной платы. Средний размер назначенных пенсий в 2010 г. — 7476 руб., а среднемесячная зарплата — 20 952 руб., так что пенсия составляет к заработной плате около 36%.

В нашей статистике я не нашел распределения пенсионеров по величине пенсий, однако по разным группам пенсионеров пенсии весьма различны. Средний размер пенсии по старости равен примерно 8,2 тыс. руб. в месяц, по инвалидности — 5,1 тыс., по случаю потери кормильца (на каждого нетрудоспособного члена семьи) — 5,1 тыс. руб. Зато у федеральных государственных служащих — 11 тыс. руб. Социальные же пенсии в среднем составляют 4,7 тыс. руб. Значительно варьируются размеры пенсий по субъектам Федерации. В Санкт-Петербурге, например, средний размер пенсии приближается к 9 тыс. руб., а в Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии — 6 тыс. руб. и менее.

При характеристике уровня доходов, в том числе пенсий, часто проводится сравнение с прожиточным минимумом, и бедными

считаются те, чей доход ниже прожиточного минимума. Прожиточный минимум весьма субъективный показатель и, по мнению большинства экспертов, является крайне заниженным, особенно по пенсионерам. Например, средняя величина прожиточного минимума в 2010 г. составила 5688 руб. в месяц, в том числе по трудоспособным — 6138 руб., а по пенсионерам — 4521 руб. Если из этой суммы вычесть жилищно-коммунальные расходы, то оставшихся денег едва хватит на скудное питание, не обеспечивающее сохранения здоровья. Численность населения в России с денежными доходами ниже ве-

личины прожиточного минимума в 2010 г. составила 12,6%, или 17,9 млн чел. В 2011 г. число таких людей немного возросло, кстати, впервые после 2000 г. До этого оно непрерывно снижалось.

Правильнее считать малообеспеченными людьми не тех, чьи доходы ниже искусственно сконструированного минимума, а по отклонениям от среднемианного уровня дохода. Например, величина вдвое ниже медианного уровня дохода будет где-то 7,5 тыс. руб., что существенно превышает прожиточный минимум.

Несколько слов о жилищной обеспеченности. Здесь тоже допус-

кается полуправда. Обычно приводят данные об обеспеченности в среднем общей площадью на душу населения. Они весьма низки: в 2010 г. — 22,4 м² по сравнению с 30–50 м² в странах Западной Европы и 65 м² в США.

Но эти средние обезличенные цифры не учитывают граждан России, жилье которых намного меньше по площади, поскольку есть значительная дифференциация и по жилью, и по группам населения. Более четверти населения в 2010 г. имело жилищную обеспеченность менее 15 м². В то же время свыше 28% населения проживало в домах с обеспеченностью более 30 м² на душу.

Кроме того, не учитывается комфортность жилья. Между тем, 23% всей жилой площади не обеспечены туалетами, 27% не имеют холодной воды и 35% не имеют горячей воды. Такие помещения по стандартам не могут считаться жильем. Так что комфортного жилья на душу населения приходится отнюдь не 22 м², а всего около 15 м².

Если вы хотите приукрасить действительность и подать в выгодном свете достигнутые результаты, этого легко

добиться, начав сравнивать эти результаты с результатами года, когда имело место наихудшее положение по тем или иным показателям. Тогда получается хорошая динамика. Представьте, что вы работаете в Минздравсоцразвития и хотите показать, как успешно у вас снижается смертность населения. Вы, исходя из статистики, находите год, когда смертность населения была высокой, и сравниваете с ним свои показатели. Вот как это делается. Открываем Российский статистический ежегодник за 2011 г., например, на таблице смертности населения и видим, что в 2005 г. умерли более 2,3 млн человек. Очень высокий показатель. До этого в отдельные

годы умирали намного меньше. Сравниваете, скажем, 2010 г., когда умерли 2 млн с небольшим. Смертность сократилась на 300 тыс. Ура! Вот как бы результат вашей работы.

Или, например, вы берете отчет за 1998 г., когда в период кризиса ВВП был крайне низок, и констатируете огромный прогресс в развитии экономики — рост на 90% за последующие 10 лет, который произошел в стране после прихода к руководству В.В. Путина. И это действительно так. Давайте так же поступим со смертностью и увидим, что она с 1998 г. почти не сократилась, так как в 1998 г. умерли 1989 тыс. человек. Но тогда и населения было меньше, так что в расчете на тысячу человек населения в 2010 г. умерло народу даже больше, чем в 1998 г.

У нас любят говорить о снижении смертности от болезней системы кровообращения. Но по сравнению с 1998 г. такого сокращения мы не видим. Тогда от болезней системы кровообращения умерли 1094 тыс. человек, а в 2010 г. — 1140 тыс. человек. Сократилась численность умерших от внешних причин — самоубийств, убийств, транспортных происшествий, отравления алкоголем.

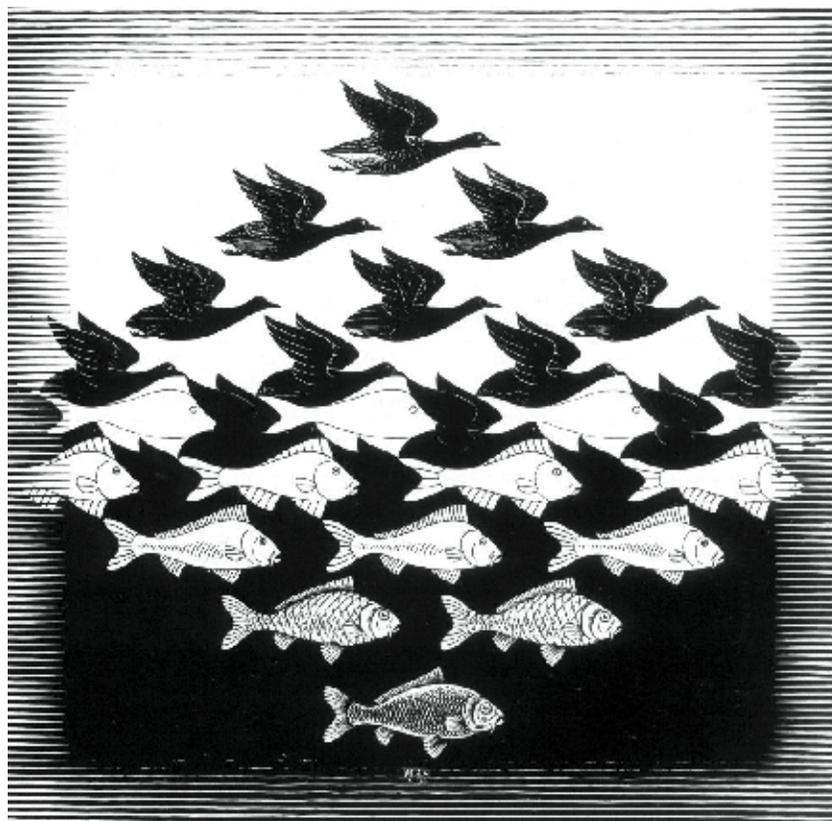
Сравнение с собственным прошлым, конечно, важно. Но если мы хотим объективно оценить наши достижения, то надо сравнивать все-таки с показателями развитых стран мира — авангардом человечества. При таком сравнении по сопоставимой возрастной структуре вы увидите, что смертность у них 9 на 1000 человек населения, а в России — 14. Иначе говоря, если бы мы были Западной Европой, то у нас умирали бы не 2 млн человек, а 1,3 млн — на 700 тыс. в год меньше. При этом в России катастрофически высока смертность в трудоспособном возрасте, которая доходит почти до 30%, а у мужчин — до 40%. В России умирают около 600 тыс. трудоспособных, а если бы мы были Запад-

ной Европой, то у нас умирали бы 130 тыс., или 10% от умерших по стандартам Западной Европы, то есть на 470 тыс. человек меньше.

Есть также серьезные несоответствия показателей из-за разных методик подсчета, которые наши статистические справочники не очень четко обговаривают или вообще не обговаривают. Например, младенческая смертность в возрасте до одного года на 1000 родившихся живыми в России ежегодно сокращается. С 2000 г., например, она сократилось с 13,2 до 7,5 (в 2010 г.). Действительно, огромный прогресс. Но пока все же уровень этой смертности вдвое выше, чем в Западной Европе, где она составляет 3,5–4. Однако методики подсчета младенческой смертности у нас и за рубежом различны. У них учитываются младенцы, родившиеся после 22 недель беременности с весом от 0,5 кг, а у нас — родившиеся после 28 недель и с весом от 1 кг и больше. По подсчетам специалистов, если пересчитать наши данные по

международной методике, то детская смертность в России возрастает в 1,5–2 раза и будет выше, чем в Европе, уже не в 1,5 раза, а в 3–4 раза, что является катастрофически высокой разницей. Кстати, с 2012 г. Россия должна перейти на международную методику подсчета этого показателя, и все встанет на свои места.

В последнее время много говорилось о достижении в России высшей продолжительности жизни. Я тоже поддался ажиотажу и опубликовал большую статью [6]. Действительно, в 2011 г. средняя продолжительность жизни в нашей стране достигла 70,3 года. Для РФ это действительно высший показатель за все годы. До 2010 г. включительно более высокая продолжительность жизни была достигнута в 1964–1965 гг. — около 70 лет и в 1987 г. — 70,13 года. Само по себе топтание на месте, отступление и небольшое продвижение вперед в течение почти 50 лет — удивительная история на фоне увеличения этого показателя на

10 лет и больше в других, прежде всего развитых, странах. Поэтому указанное достижение вряд ли кого-нибудь серьезно порадует, тем более что уровень почти 50-летней давности мы превзошли на десятые доли процента. При этом превзошли из-за более длительной продолжительности жизни женщин, а по продолжительности жизни мужчин и в 2011 г. мы пока не достигли показателей 1964–1965 гг.

Но, как я уже писал, чтобы дать оценку реальному уровню того или иного показателя, надо его сравнить с развитыми странами. Средняя продолжительность жизни в Европе недавно превзошла 80-летний рубеж. При этом во Франции средняя продолжительность жизни почти 82 года. Отрыв от России — целое десятилетие, то есть целая эпоха. Нам надо еще

Если мы хотим объективно оценить наши достижения, то надо сравнивать все-таки с показателями развитых стран мира — авангардом человечества.

много лет «пахать», чтобы достигнуть сегодняшнего уровня смертности и продолжительности жизни в передовых европейских странах.

Ужасно жаль, что в последние 50 лет мы мало сделали для укрепления здоровья нашего населения, особенно его трудоспособной части. Ведь в 1964–1965 гг. по продолжительности жизни СССР и РСФСР были вровень с развитыми странами мира².

Рост номинальных показателей при стагнации показателей реальных

Непрерывный и весьма высокий рост цен в России на потребительские товары, промышленные товары, услуги транспорта, жилье и коммунальные услуги и т.п. обусловил различия в динамике но-

минальных показателей, исчисленных в рублях, и показателей реальных, исчисленных с учетом инфляции. Люди стали более грамотными, и сейчас информация о росте среднемесячной номинальной начисленной зарплаты никого не вдохновит. Ее надо скорректировать прежде всего на рост потребительских цен.

Но остались сферы, где исторически принято оперировать только номинальными показателями в текущих ценах. Речь прежде всего идет о показателях доходов и расходов государственного бюджета. При этом выводы из анализа номинальных и реальных показателей в ряде случаев сильно расходятся.

Расходы на национальную экономику в консолидированном госбюджете увеличились с 2008 по

2011 г. на 20% — с 2323 млрд руб. до 2794 млрд. Казалось бы, докризисный уровень давно превзойден. Но если скорректировать эти показатели на индекс производственных цен, то получится, что за три года они увеличились на 49% и в реальном выражении эти расходы госбюджета уменьшились почти на 20%.

Центральный банк на основе рублевых данных об объеме кредитования рапортует о послекризисном восстановлении кредитования — в кризис оно сократилось, а вот в 2010–2011 гг. динамично росло. Если же внимательно проанализировать эти показатели применительно к кредитам, выданным нефинансовым предприятиям и организациям, в том числе реального сектора, скорректировать их на рост цен на промышленную продукцию (поскольку за

счет этих кредитов закупается та или иная продукция, возводятся те или иные сооружения, изготавливается промышленная продукция), то окажется, что объем кредитов не растет и промышленность дополнительного финансирования через кредитование не получает.

Так, объем кредитов предприятиям и организациям (за исключением кредитных организаций) с начала 2009 г. по начало 2012 г. вырос с 12 844 млрд руб. до 18 109 млрд — большой рост, аж на 41%. Вывод: для преодоления кризиса предприятиям предоставляются возрастающие ресурсы и т.п., но... За этот период цены на продукцию промышленности, которую нужно приобрести за эти кредиты, выросли: за 2009 г. на 13,9%, за 2010 г. на 16,7% и за 2011 г. на 12,0%, а всего на 49%. Так что в реальном выражении объем кредитов сократился на 5% и имеет место хроническая нехватка финансовых ресурсов для восстановления и развития промышленности.

Отсюда понятно резкое снижение темпов роста промышленности до 8% в 2010 г., до 5% в 2011 г. и ожидаемых 4% в 2012 г. Как может расти промышленность, если объем кредита стагнирует, а процент за кредит держится на высоком уровне.

Еще хуже обстоит дело с финансированием инвестиций. Их доля в банковских кредитах России, может быть, самая низкая в мире — всего 6%. Предприятия крайне ограничены в инвестиционных ресурсах — либо инвестируют целиком за собственный счет, либо занимая деньги за границей, от наших банков за приличный процент их не допросишься.

Так что новый застой проявляется не только в снижении вдвое темпов социально-экономического развития, но и в стагнации некоторых существенных показателей, определяющих развитие, — инвес-

тиций, строительства, производства машин и оборудования, финансирования через бюджет, объема кредитования предприятий и организаций. Откуда же взяться динамичному росту экономики?

Модернизация и инновации — много общих слов при минимуме конкретных дел

Разрыв между словом и делом является, пожалуй, основным симптомом болезни «глаза — уши» («видим одно — слышим другое»).

Здоровая конструктивная идея модернизации нашего народного хозяйства, всей социально-экономической системы во многом была обесценена благодаря льющемуся потоку пустых общих слов при отсутствии реальных планов, программ, а тем более реальных дел.

Снекоторой натяжкой единственным примером реальной модернизации могут быть названы мероприятия по переоснащению медицины, в последние пять-шесть лет осуществляемые в рамках национальной программы «Здравоохранение». Эта модернизация могла бы дать намного больший эффект, если бы сопровождалась соответствующими усилиями по подготовке и переподготовке кадров. К сожалению, большое число закупленной техники используется крайне неэффективно. Особенно это относится к самой дорогостоящей технике: компьютерным томографам и установкам магнитного резонанса. Сеть частных КТ и МРТ, действующая почти в 60 городах России, где сосредоточено только 10% всех имеющихся в нашей стране подобных установок, пропускает через себя около 30% всех пациентов. Все чаще клиники, в том числе имеющие собственные КТ и МРТ, посылают своих больных проверяться в эти сети, поскольку техника там работает без простоя и сосредоточены лучшие специально подготовленные медицинские кадры.

К тому же клиентам это обходится дешевле, чем платный прием в госбольницах, поскольку цены в этой системе ниже.

Основные же отрасли и сферы народного хозяйства, нуждающиеся в модернизации, не имеют конкретных программ такой модернизации. Об этом свидетельствуют данные о коэффициентах обновления и выбытия основных фондов, а также об их износе. Коэффициент обновления основных фондов с 2000 г. равен примерно 3%, коэффициент выбытия основных фондов — 1%. При этом степень износа основных фондов выросла с 39% в 2000 г. до 45% в 2005 г. и 47% в 2010 г. Такие данные есть по всем основным отраслям. Людям, принимающим это близко к сердцу,

В валовом внутреннем продукте наука в России занимает около 1%. Этот показатель ниже, чем в развитых и во многих развивающихся странах, и он не растет.

лучше их не знать. К примеру, коэффициент выбытия старых основных фондов в энергетике составляет 0,3%, их износ давно превысил 50%. Еще хуже дело обстоит на транспорте, где коэффициент выбытия составляет 0,4%, а износ — более 56%. Средний срок службы машин и оборудования превысил 14 лет, в то время как старыми считаются машины и оборудование начиная с 10-летнего возраста. А нормальный средний срок службы оборудования в развитых странах составляет 7–8 лет.

Внешне лучше дело обстоит с инновациями главным образом благодаря деятельности по созданию научно-технического центра в Сколково. Однако Сколково на всю Россию при всей грандиозности замысла, конечно, не хватит. А каких-то серьезных мер по развитию науки и технологий в целом по народному хозяйству не предпринимается.

Определенная деятельность по созданию технопарков, технологических инкубаторов развернута в отдельных регионах России, но заметного влияния на социально-экономическое развитие народного хозяйства она не оказывает, поскольку в глобальном масштабе это пока очень узкая сфера.

В валовом внутреннем продукте наука в России занимает около 1%. Этот показатель ниже, чем в развитых и во многих развивающихся странах, и он не растет. Удельный вес в валовом внутреннем продукте России экономики знания, включая науку, образование, информационные технологии, биотехнологии и здравоохранение, составляет 15% — вдвое ниже,

чем в Западной Европе, и почти втрое ниже, чем в США. А ведь это главный катализатор инновационного развития.

Время от времени руководители госорганизаций выступают с ценными инициативами, называя иногда конкретные мероприятия, цифры. Но эти прогрессивные начинания тонут в океане слов и, как правило, не осуществляются.

Возьмите, например, ежегодные разговоры о приватизации части государственной собственности — предприятий и организаций, деятельность которых имеет чисто коммерческий характер и нацелена на зарабатывание денег и обогащение своих сотрудников, прежде всего руководящих. Масштаб приватизации государственного и муниципального имущества, например, в 2010 г. составил менее 83 млрд руб. — меньше, чем было привати-

зировано в 2005 г. (87 млрд руб.), 2006 г. (94 млрд руб.) и 2007 г. (109 млрд руб.). Это меньше 0,2% ВВП, то есть почти ничего.

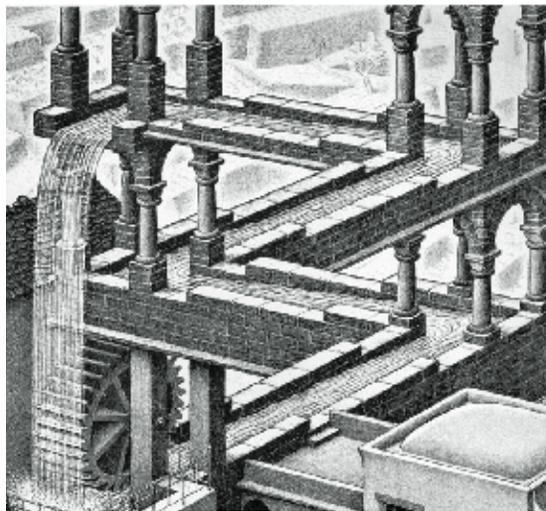
Много говорится и об улучшении инвестиционного климата в России для отечественных и иностранных инвесторов, который всеми признан неудовлетворительным. Но вот недавно был принят закон о совершенствовании принципов определения цен для целей налогообложения, который сильно бюрократизирует процесс хозяйственной деятельности, в том числе и инвестирование, затрудняет ее, вносит огромную неопределенность, поскольку отсутствуют разъяснения, нормативные акты по применению этого крайне сложного закона, составляющего сейчас новую главу Налогового кодекса. Говорим одно — делаем другое.

Я сознательно не хочу углубляться в тему борьбы с коррупцией, о которой, казалось бы, все сказано. Устранение коррупции было чуть ли не главной программной задачей, которую поставил перед собой предшествовавший президент страны Д.А. Медведев. И что же? По мнению многих, коррупция только усилилась. А проверенные методы борьбы с коррупцией, реализованные в других странах, в том числе в Грузии, где уровень коррупции приблизился к европейским стандартам, не используются. Даже такая простая мера, как ограничение выдачи наличных денег, повсеместный переход на безналичный расчет, несмотря на поддержку этого мероприятия Министерством финансов, до сих пор не осуществлена.

А сколько слов произнесено о необходимости преодоления удушающего бюрократизма, об административных реформах и т.д. В считающихся бюрократической страной США на 1000 человек населения приходилось 3,7%

работников федеральных органов и исполнительной власти. А в России — 4,7%, то есть на четверть больше.

В 2000 г. в госорганах и органах местного самоуправления работали 1163 тыс. человек, а в 2010 г. — 1648 (на 40% больше). Как и положено, наибольший прирост был достигнут в федеральных органах — 66%, а наименьший — в органах местного самоуправления, о которых тоже много говорят, но мало что делают, — всего на 13%. Госорганы субъектов Федерации, конечно, тянут одеяло на себя — численность их сотрудников увеличилась на 41%.

Централизация продолжается. Уже 70% финансов и активов банков сосредоточено в Москве и Санкт-Петербурге, где проживает менее 10% населения, а вся огромная Россия сидит без денег. И чтобы решить тот или иной вопрос, территориальным руководителям нужно ехать на поклон к столичным чиновникам.

Собственные усилия и внешняя конъюнктура

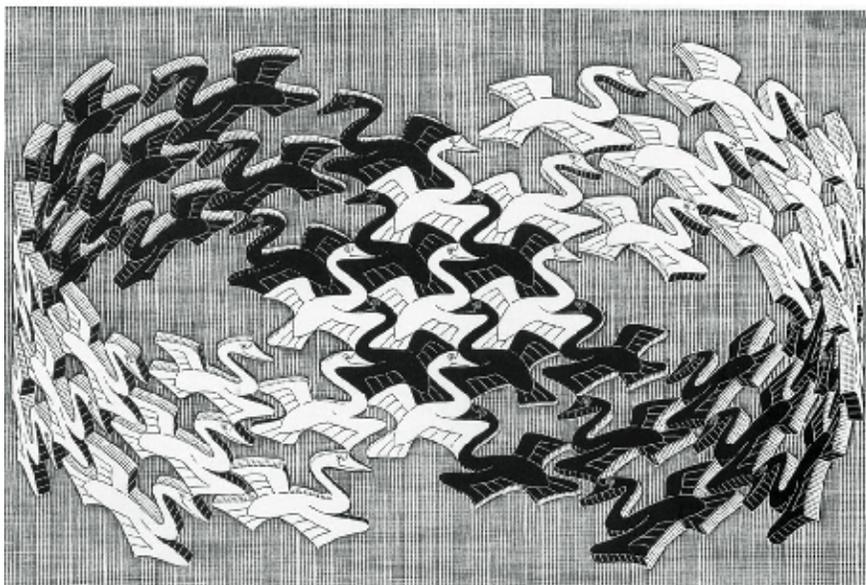
Экономика России своеобразна. Ведь она занимает шестую часть суши при населении менее 2% и экономическом потенциале, составляющем менее 4% мировой экономики.

Россия занимает 5–6-е место в мире по объему разведанных ресурсов нефти. При этом по добыче нефти она делит первое и второе место с Саудовской Аравией, чьи запасы на порядок выше. Второе место в мире имеет наша страна по запасам природного газа. Благодаря последнему открытию огромных запасов сланцевого газа США вышли вперед и по запасам, и по добыче газа. Россия богата и многими другими видами сырьевых ресурсов, которые успешно экспортируются наряду с нефтью и газом — нашими главными экспортными товарами. Речь идет, прежде всего, о лесе, фосфорных и калийных удобрениях, коксу-

щемся угле, пшенице, урановой руде, природных алмазах, черных и цветных металлах и др. Топливо, сырье, полуфабрикаты и материалы в экспорте России, в 2011 г. превысившем 500 млрд долл., занимают почти 90%. Нефтегазовые ресурсы составляют около 2/3 экспорта. С 2000 г. идет почти непрерывный рост экспортных цен (исключение составляет кризисный 2009 г.) прежде всего на нефть и газ. Этот рост, возможно с меньшей интенсивностью, продлится еще некоторое время во многом из-за *политических* коллизий в ряде крупных нефтедобывающих стран. В 2011 г. это были события в Ливии. Сейчас на повышение цен на нефть

влияет *политическая* обстановка вокруг Ирана. К тому же в цене на нефть присутствует спекулятивная составляющая, связанная с мало контролируемой торговлей фьючерсами на нефть, объем которых в 8–10 раз превысил реальные объемы продаваемой нефти.

В 2000–2010 гг., например, цена за тонну нефти выросла со 175 до 546 долл. (в 3,1 раза). Цена за тысячу кубометров природного газа увеличилась с 86 до 273 долл. (в 3,2 раза), на каменный уголь — с 26 до 79 долл. (в 3 раза), на железные руды — с 16 до 83 долл. (в 5 раз), на лесоматериалы за кубометр — с 43 до 87 долл. (в 2 раза),

Топливо, сырье, полуфабрикаты и материалы в экспорте России, в 2011 г. превысившем 500 млрд долл., занимают почти 90%. Нефтегазовые ресурсы составляют около 2/3 экспорта.

на чугун переделный — с 84 до 369 долл. (в 4,4 раза), на медь — с 1677 до 7216 долл. (в 4,3 раза), на никель — с 8641 до 21 790 долл. (в 2,5 раза), на алюминий — с 1298 до 1817 долл. (в 1,4 раза), на пшеницу — с 117 до 175 долл. (в 1,5 раза).

При столь значительном росте экспортных цен с 2000 по 2011 г. включительно Россия получила от экспорта огромную дополнительную валютную выручку — более 3 трлн долл., в том числе более 2 трлн долл. этой выручки было связано не с увеличением физических объемов экспорта или его качества, а с повышением цен. Этот огромный незаработанный приток валюты со стороны примерно наполовину обеспечивал наш экономический рост, в первую очередь прирост инвестиций и реальных доходов, наполовину заполнял доходы консолидированного бюджета страны, позволил создать огромные золотовалютные резервы (достигшие 597 млрд долл. в августе 2008 г.), сформиро-

вать колоссальный стабилизационный фонд, достигший к началу в 2009 г. более 6,6 трлн руб. (около 220 млрд долл.), и иметь профицит бюджета в 2007–2008 гг. в размере 70–100 млрд долл. Резервы правительства и Центрального банка России составили почти 900 млрд долл. Выше нас по резервам стояли Япония — около 1 трлн долл. и Китай — в настоящее время более 3 трлн долл.

Значительная часть резервов была истрачена в ходе кризиса, а потом частично восстановлена, и к настоящему времени общая сумма резервов составляет примерно 650 млрд долл. — на 250 млрд долл. меньше, чем накануне кризиса. При этом мы по-прежнему занимаем третье место в мире по объему резервов.

В связи с такой благоприятной внешней экономической конъюнктурой Россия, как страна, поставляющая топливо, сырье и материалы, имеет большой допол-

нительный источник финансовых ресурсов.

Что касается внутренних источников социально-экономического роста, связанных прежде всего с инвестициями, то с 2000 по 2008 г. они обеспечивали наш экономический рост примерно по 3,5% в год, а прирост ВВП еще по 3% в год обеспечивался за счет экспорта. Валовой внутренний продукт в 1999–2011 гг. увеличился примерно на 90%. А объем экспорта за это время вырос почти в 7 раз — с 75 до 524 млрд долл.

Большой приток валюты в страну позволил правительству форсированно увеличивать доходы и расходы госбюджета, тратить дополнительные деньги и на социальные цели, и на выполнение других задач. В дополнение к притоку валютных ресурсов за счет экспорта нужно принять во внимание также приток капитала в страну в 2006 г. в размере 43 млрд долл. и в 2007 г. в размере 82 млрд долл. Кроме того, к 2008 г. накануне кризиса наши предприятия, банки и организации накопили долг иностранным инвесторам в размере более 500 млрд долл., что тоже пополнило валютный источник социально-экономического развития.

В кризис, как говорилось выше, произошел крупный отток капитала из России, в том числе за счет выплаты предприятиями, банками и организациями своих долгов зарубежным инвесторам — примерно по 100 млрд долл. ежегодно. И поэтому их задолженность уменьшилась примерно до 400 млрд долл. по состоянию на 2011 г.

Низкие темпы социально-экономического развития за счет внутренних факторов роста связаны с низкой нормой инвестиций, составляющей около 20%, что гораздо ниже даже нормы инвестиций многих развитых стран мира. Что касается развивающихся стран, то у них норма

инвестиций в среднем составляет 30–35%, не говоря о Китае, где она достигла почти 50% ВВП.

В органах массовой информации, в выступлениях наших руководителей, в большинстве аналитических материалов не акцентируется внимание на том, что мы наполовину живем не за счет заработанных своим трудом благ, а за счет благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры, за счет повышения экспортных цен и притока дополнительной валюты от экспортной выручки. Наши предприятия, организации и банки все больше влезают во внешнеэкономические долги. Такое положение дает возможность существенно преувеличивать наши реальные достижения и приписывать себе относительно высокие темпы экономического развития, возможности проводить крупные повышения пенсий, зарплаты чиновникам и военным, предоставлять социальные льготы, осуществлять социальное жилищное

строительство и т.п. Однако выгоды от валютных средств разные слои населения получают в разной степени. Больше всего, как известно, от притока валюты выиграли госслужащие, чья зарплата по уровню давно оторвалась от зарплаты других категорий населения, а также и другие слои населения, получающие высокие доходы, особенно олигархи.

ющей промышленности, 21 тыс. руб. в строительстве, 10 тыс. руб. в легкой промышленности, 17 тыс. руб. в пищевой промышленности, 22 тыс. руб. в химической промышленности, 21 тыс. руб. в металлургии, 20 тыс. руб. в машиностроении, 14 тыс. руб. в образовании, 16 тыс. руб. в здравоохранении и т.д. При этом зарплата госслужащих с 2000 г. увеличилась в 9,3 раза при росте зарплаты в промышленности, например, в 8 раз, в металлургии — в 5,5 раза, в энергетике — в 7,6 раза, в легкой и пищевой промышленности — в 8 раз, в добывающей промышленности — в 6,7 раза, в том числе в добыче топливно-энергетических ресурсов — в 6,6 раза.

По общему мнению, в дальнейшем роль внешней конъюнктуры в поступлении дополнительных валютных ресурсов в нашу страну уменьшится, так как маловероятно, что в следующие десять лет цены на топливо и сырье смогут вырасти в три раза, как это было за про-

сокращает потребление топлива на 1 кВт/ч производимой электроэнергии или ккал тепла. Снижается, как известно, и прирост потребления топлива в Китае из-за существенного сокращения темпов роста в этой стране — они уже сократились с 13 до 9% годовых, и по плану китайского руководства намечается их снижение до 7,5%.

Так что в лучшем случае цены вырастут, скажем, в 1,5 раза, и влияние конъюнктурного фактора на формирование основных социально-экономических показателей резко ослабнет. Поэтому нам все больше придется рассчитывать на социально-экономическое развитие за счет внутренних ресурсов. Придется — хотим мы этого или не хотим — от слов об инновациях, интеллектуализации, о модернизации, приватизации госсобственности, борьбе с коррупцией и многом другом переходить к реальным делам. ■

ПЭС 12078/28.05.2012

Мы наполовину живем не за счет заработанных своим трудом благ, а за счет благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры, за счет повышения экспортных цен и притока дополнительной валюты от экспортной выручки.

строительство и т.п. Однако выгоды от валютных средств разные слои населения получают в разной степени. Больше всего, как известно, от притока валюты выиграли госслужащие, чья зарплата по уровню давно оторвалась от зарплаты других категорий населения, а также и другие слои населения, получающие высокие доходы, особенно олигархи.

В 2010 г., например, средняя зарплата по отрасли госуправления превысила 25 тыс. руб. в сравнении с 10,7 тыс. руб. в сельском хозяйстве, 19 тыс. руб. в обрабаты-

вавшие десять лет. Невозможно себе представить, что баррель нефти, например, в 2020 г. будет стоить около 330 долл. вместо долл. (как в 2010 г.). При существующем весьма высоком уровне цен на нефть и газ рост потребления углеводородного сырья в последний период серьезно замедлился и не только за счет роста доли альтернативных источников электроэнергии, но и за счет крупных технологических нововведений по сокращению потребления топлива в двигателях внутреннего сгорания, на электростанциях, где переход к парогазовым установкам вдвое

Примечания

1. Это замедление социально-экономического развития в 2010–2012 гг. произошло при небывалом повышении экспортных цен на нефть (2009 г. — 59 долл. за баррель, 2010 г. — 78 долл., 2011 г. — 109 долл., первый квартал 2012 г. — 125 долл.), выручка от экспорта которой составляет более половины выручки от всего экспорта России, в 2011 г. впервые превысившего отметку в 500 млрд долл.

2. В те годы продолжительность жизни в Финляндии была 68 лет, Австрии — 69, США, Японии и Италии — 70 (как в России и СССР), Франции, Швейцарии и Великобритании — 71 год (Народное хозяйство в СССР в 1967 г. М., 1968. С. 182).

Литература

1. Российский статистический ежегодник. 2011. С. 321.
2. Там же.
3. Там же. С. 461.
4. Там же. С. 195.
5. Там же. С. 688.
6. Журнал «Экономическая политика». 2011. № 3.